

УДК 93/94

Кучурин В.В., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой управления, Ленинградский областной институт развития образования (Россия)

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ С.М. СОЛОВЬЕВА¹

В статье анализируется ранняя работа выдающегося русского историка С.М. Соловьева «Парижский университет», в которой наиболее полно декларирована и аргументирована его научно-педагогическая и религиозно-просветительская позиция. Основное внимание уделяется изучению взглядов С.М. Соловьева на роль университетов и университетского образования в общественной жизни, в подробностях рассматриваются представления историка о характере и особенностях преподавательской деятельности университетского профессора.

Ключевые слова: С.М. Соловьев, университет, университетское образование, лекционная деятельность, научно-педагогическая деятельность, религиозно-просветительская деятельность, идеал профессора, педагогическое мастерство

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-96-101

В мае 1843 г., во время европейского путешествия, начинающий историк С.М. Соловьев написал небольшую, но содержательную статью о Парижском университете. В мемуарных «Моих записках для детей моих, а если возможно, и для других» Соловьев писал о подготовке этой статьи следующее: «В Мюнхене ждал меня окладной дождь; вследствие этой неприятности я решил весь первый день просидеть дома, и чтоб провести время с пользой, написал статью о парижском университете, которую потом переписал в Праге и отправил к Погодину, для напечатания в “Москвитянине”, что и было исполнено» [12, с. 280]. В сопроводительном письме он сообщал о своих текущих научных исследованиях и планах на будущее, выражая надежду, что Погодин «при всех своих занятиях не забудет человека занимающегося» [14, с. 103-104]. Статья, написанная в славянофильском духе, Погодину очень понравилась, и он незамедлительно опубликовал ее в журнале «Москвитянин» [11], а в письме к С.П. Шевыреву написал: «Соловьев обещает нам прекрасного в нашем духе исследователя» [2, с. 340]. Как следствие, между Соловьевым и Погодиным началась переписка [14, с. 103-108; 10].

Исследователям данная статья хорошо известна. Как правило, они изучали ее в контексте общественно-политических споров славянофилов и западников и видели в авторе единомышленника Погодина и возможного союзника славянофилов [4; 18; 19]. Однако в

ней содержится нечто большее, чем обычная восторженность пылкого юноши, воодушевленного патриотическими, славянофильскими настроениями. Это программная статья, в которой наиболее полно декларирована и аргументирована научно-педагогическая и религиозно-просветительская позиция Соловьева, разобравшись в которой, мы сможем не только лучше понять идейные искания историка в первой половине 1840-х гг., когда он, будучи в Западной Европе, серьезно размышлял о профессорской карьере в Московском университете, но также добавим новые штрихи в реконструкцию процесса формирования в России профессиональной идентичности университетского профессора.

Начинается статья Соловьева с рассмотрения вопроса о значении университета в народной жизни и особенностях университетского образования. По его мнению, университет обязан дать человеку «форму гражданскую, образовать гражданина в настоящем, полном значении этого слова» [15, с. 11]. Следовательно, делал логичный вывод Соловьев, «если так важно значение университета при настоящем состоянии европейской цивилизации; если университет есть самое верное отражение общественного организма: то ясно, что изучить университет в известном государстве, значит изучить не только настоящее состояние общества, но и будущее его направление, потому что из уни-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта 18-09-00014А «Неопубликованное научно-педагогическое наследие С.М. Соловьева»

верситетских аудиторий выйдут будущие общественные деятели» [15, с. 11].

Этим он объяснял свое внимание к Парижскому университету и цель подготовленной им статьи, в которой, не касаясь его истории и «настоящей организации, дарованной ему правительством», хотел «сообщить только впечатление, произведенное» на него «способом преподавания», а также «показать, как профессора понимают свое назначение и какие средства выбирают для достижения своих целей» [15, с. 11].

Исходной позицией Соловьева, которую он противопоставлял многим «из людей мыслящих и чувствующих», пораженных «настоящим состоянием европейского общества, этим резким разделением между головой и сердцем, между мыслью и чувством, между философией и религией» и утверждавших, что «эти два элемента человеческой сущности никогда не могут быть соединены», была романтическая идея о единстве мысли и чувства, философии и религии [15, с. 11].

Данную идею Соловьев воспринял еще в студенческие годы, когда заинтересовался философией Гегеля с твердым намерением укрепить авторитет религии, христианства. Намерение это нашло отражение в его студенческой работе «Феософический взгляд на историю России» (1841 г.). В ней начинающий историк предлагал собственный вариант христианской историософии, христоцентрическое понимание исторического развития [5; 6, с. 34-45; 9, с. 15-16; 19, с. 158-176].

В рассматриваемой статье продолжавший верить в возможность и необходимость взаимодействия философии и религии Соловьев считал подтверждением этой идеи «существование университета, в котором соединение обоих по-видимому враждебных элементов – мысли и чувства – происходит самым очевидным и разительным образом» [15, с. 12]. Отсюда, он делал вывод, что «если университет, какой бы то ни было, считает себя представителем только народного мышления, полагает своим назначением исключительное развитие этой способности в своих питомцах, такой университет грубо ошибается, показывает совершенное незнание своего высокого назначения» [15, с. 12].

Именно поэтому Соловьев, исходя из

национальной обусловленности университетского образования и рассматривая его как форму народной жизни, вырастающую из глубин народа и соответствующую его характеру, считал, что идея единства мысли и чувства, философии и религии должна определять своеобразие российской «национальной модели» университета. В связи с этим он писал: «...Я принадлежу к семье того великого народа, высокой природе которого суждено представить совершенство природы человеческой: я разумею гармоническое сочетание ума и чувства. Вот почему не по нас сухое преподавание немецкое, вот почему не может удовлетворить нас одна восторженная импровизация французов: для нас здесь не существует выбор; оба направления, взятые порознь, нам чужды, противны естеству, ненародны» [15, с. 24].

Для обоснования своей позиции Соловьев представил «беглый взгляд на историю народного просвещения». По его мнению, «все народы сохраняют предание, что в начале их истории являлись существа, от которых получили они оглашение в вере, истории и мудрости гражданской, которые сообщили им народное самопознание, уяснили их цель и стремление; от таких существ народы обыкновенно ведут свое происхождение» [15, с. 12]. Затем, утверждал Соловьев, «по исчезновении огласителей с исторической сцены, народы оглашенные записывают их учение и составляют таким образом кодексы законов религиозных, гражданских и т.п.» [15, с. 12]. Однако, это «записанное учение» Соловьев объявлял «недействительным, мертвым, если первоначальные огласители не оставили по себе преемников, мужей сильных словом и делом, которые истолковывают прежнее оглашение, дополняют его и таким образом ведут народ вперед на пути исторического развития», но, развивал он дальше свою мысль, «если ряд огласителей прекращается, то, несмотря на все превосходство государственного устройства и мудрость законов, народ истлевает в гражданском разврате», так как «слово, со всей верностью записанное, теряет силу, каковую имело оно в устах оратора», поскольку «сохраняет одну мысль без чувства» [15, с. 12]. Между тем, утверждал Соловьев, «в устах человека, ...

при устном его произнесении обнаруживается тот пламень любви, рождающей слово, который наподобие электричества сообщается слушателям, согревает, растворяет их сердца и образует из них землю добрую для принятия семени и произращения плода обильного» [15, с. 13].

В связи с этим Соловьев, исходя из отличия и преимуществ произносимого слова от слова записанного, высказывал очень важный для понимания его научно-педагогической позиции тезис о том, что университетское образование должно иметь «характер огласительный», то есть проповеднический, назидательный, воспитательный, опирающийся на единство философии и религии и предполагающий «гармоническое развитие мысли и чувства» у студентов, так как цель университета – «образование гражданина», а «доблести гражданские имеют источник в сердце человека и требуют преимущественно прямого развития чувства» [15, с. 13].

При этом Соловьев, возможно, руководствуясь святоотеческим пониманием «служения мирян в Церкви», согласно которому «каждый христианин священник постольку, поскольку он свят, и это священство есть подлинное папство Христово» [18, с. 384], считал, что в условиях падения авторитета религии и неспособности духовенства «воспитывать юношество» возрастает общественная роль университетских профессоров, которая определяется не только научно-исследовательской, но также «огласительной», то есть религиозно-просветительской, проповеднической деятельностью, направленной на примирение христианских ценностей с достижениями современной культуры [ср. 13, с. 184].

Для этого университетский профессор «должен быть человеком мысли и человеком чувства, ученым и оратором вместе, высказывать истину и заставлять любить ее, показывать что хорошо, и вместе сообщать своим слушателям способность ко всему хорошему, одним словом, профессор должен владеть двумя орудиями в равной степени: доказательством и убеждением» [15, с. 13-14].

Этот во многом идеальный образ университетского профессора Соловьев конкретизировал посредством описания «общего характера преподавания в парижском университете» [15, с. 14-15] и лекционных занятий отдельных

парижских профессоров [15, с. 15-24].

Описание это представляет для исследователя жизни и творчества Соловьева особый интерес, так как содержит характеристики, на основе которых можно не только реконструировать представления начинающего историка о специфике научно-педагогической, в первую очередь, лекционной деятельности в университете, которую он рассматривал как основную форму трансляции знаний и культуры от просвещенного профессора к непросвещенным студентам, но также проследить формирование его собственной манеры преподавания в процессе критического анализа университетских лекций парижских профессоров.

При этом общее мнение о преподавателях Парижского университета Соловьев составлял исходя из нескольких основных критериев.

В первую очередь он обращал внимание на «ученую часть» учебной лекции, в которой с особенной силой проявлялся профессионализм профессора. Соловьев считал, что хорошую лекцию отличает научность и систематичность содержания, и поэтому университетский профессор должен демонстрировать «глубокую ученость» [15, с. 16], «обилие содержания» [15, с. 17], «знание положительное и твердое, какого нельзя приобрести без труда постоянного» [15, с. 21]. В качестве примера он указывал на французского писателя и литературоведа Сен-Марка Жирардена, лекция которого «всегда носит на себе печать труда глубокого, отчетливого и вместе вдохновенного» [15, с. 16], историка Эдгара Кине, никогда не унижавшего «своего достоинства мерами противозаконными на кафедре», так как «лекция его всегда обилует содержанием» [15, с. 17], филологов Патена, сумевшего оживить перед своими слушателями эпоху Теренция с ее нравами и обычаями [15, с. 21], и Рауль-Рошета, показывавшего «знание положительное и твердое, какого нельзя приобрести без труда постоянного» [15, с. 21].

Зато он крайне отрицательно относился к тем университетским преподавателям, которые подобно «щеголеватому наружностью и речью» французскому историку литературы Филарету Шалю или «преемнику Гизо по кафедре новой истории» Шарлю Ленорману демонстрируют «пренебрежение пригото-

нием» к лекции [15, с. 22], «не заботятся о содержании» [15, с. 14], стараются «разжидить как можно более содержание, опуская подробности» [15, с. 15], «пренебрегают системой» и пытаются скрыть отсутствие научного содержания «восторженной импровизацией» [15, с. 22, 24], «блестящими фразами», «длинными отступлениями» и «приделанными патетическими частями» [15, с. 17], чтобы не утомить внимание слушателей, так как «цель науки научать, а не забавлять» [15, с. 15].

Не менее важной, по мнению Соловьева, является художественная (риторическая) часть учебной лекции, демонстрирующая лекторский талант преподавателя и его способность передать свои знания студентам. Из описания французских профессоров явствует, что к признакам ораторского мастерства он относил доступность «изложения для каждого слушателя» и «ясность речи» [15, с. 14], способность одушевляться «только там, где сам предмет вдохновлен» [15, с. 17], умение находить «способы объяснения один другому легче» [15, с. 14], а также «свободу, отчетливость, ясность изложения» [15, с. 21].

Наконец, особый акцент Соловьев делал на нравственно-назидательном, воспитательном значении, как личности университетского профессора, так и его преподавательской деятельности. Он исходил из того, что преподавание и воспитание взаимосвязаны, что преподавательская деятельность должна быть направлена на решение нравственных задач. При этом Соловьев был абсолютно уверен в недопустимости подменять нравственное воспитание (назидание) забавой [15, с. 24].

Итак, подводя общие итоги, можно сделать несколько выводов относительно научно-педагогической позиции Соловьева в первой половине 1840-х гг.

Во-первых, Соловьеву был совершенно чужд утилитарный подход к университетскому образованию, поскольку он высоко ценил общественное значение университета как «нациообразующего» начала, в котором готовят граждан к служению высшим целям народа и государства, а не узких специалистов. Вместе с тем, он едва ли был последовательным сторонником классической модели университета как ««универсума наук», единство которых достигается благодаря об-

щим методологическим основам, формирующим научную картину мира» [1, с. 159], поскольку был уверен, что философия и наука не являются высшим авторитетом, что образование гражданина только философией или наукой без опоры на нравственные ценности христианской религии, без развития нравственного чувства невозможно.

Во-вторых, подчеркивая огласительный, то есть проповеднический, назидательный, воспитательный характер университетского образования, Соловьев считал основной его формой учебную лекцию, к подготовке и проведению которой предъявлял очень серьезные требования. По его мнению, педагогическое мастерство преподавателя проявляется в гармоничном соотношении в учебной лекции научного содержания (*информативность, системность, полнота*), художественной (риторической) формы его представления (*наглядность, образность, эмоциональность*) и нравственного и гражданского воспитания в соответствии с христианскими ценностями (*назидательность*). При этом важно, что в дальнейшем идеи ученого о педагогическом мастерстве преподавателя получили практическое приложение в его многолетней профессорско-преподавательской деятельности в Московском университете [3; 8; 16; 20].

В-третьих, Соловьев отводил исключительно важную роль в историческом ряду «огласителей» (родоначальники народов, церковь и духовенство) университетским профессорам, значение которых в «образовании гражданина», по его мнению, определяется не только научно-исследовательской, но также общественно-просветительской деятельностью. Такая позиция была обычной для русского образованного общества. Однако в понятие «просвещение» его представители вкладывали разное содержание. Одни отождествляли просвещение с наукой. Другие же считали его основой христианскую религию. Что касается Соловьева, то он принадлежал к той части русской интеллигенции, которая стремилась примирить христианские ценности с научными достижениями современной культуры, и поэтому его взгляды представляют один из вариантов «просвещенного христианства».

Список литературы

1. Андреев А. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие (Часть 1) // Высшее образование в России. 2005. №1. С. 156-169.
2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т.7. СПб., 1893.
3. Волкова И.В. Педагогическая деятельность историка С.М. Соловьева // Экономическая и общественная жизнь России нового времени: Первые Дружининские чтения. М., 1992. С. 215-221.
4. Волкова И.В. Сергей Михайлович Соловьев. Очерк жизни и творчества // Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992. С. 23-186.
5. Дубровский А.М., Кучурин В.В. «Феософия» С.М.Соловьева // Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры. Брянск, 1992. С. 98-107.
6. Ерыгин А.Н. Восток-Запад-Россия (Становление цивилизационного подхода в исторических исследованиях). Ростов-на-Дону, 1993.
7. Из письма ординарного профессора Московского университета Погодина к г. министру народного просвещения из Германии // Журнал министерства народного просвещения. 1836. №1. С. 218-225; №7. С. 203-207, 671-675.
8. Ключевский В.О. С.М. Соловьев как преподаватель // Издания Исторического общества при имп. Московском университете: Рефераты, читанные в 1895 году. М., 1896. С. 185-194.
9. Кучурин В.В. С.М. Соловьев: христианин и ученый. СПб., 2001.
10. Погодин М.П. Письма к С.М. Соловьеву (21 декабря 1843 г., 21 августа 1844 г.) // НИОР РГБ. Ф. 285. Карт. 1. Д. 34.
11. Соловьев С.М. Парижский университет: Письмо из Праги от 23 июня 1843 г. // Москвитянин. 1843. Ч. 6. №12. С. 511-517.
12. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983.
13. Соловьев С.М. Письма из Европы // Отечественная культура и историческая наука XVIII-XX веков. Брянск, 1996. С. 160-193.
14. Соловьев С.М. Письма на родину 1842-1844 гг. // Соловьев С.М. Первые научные труды. Письма. М., 1996. С. 65-108.
15. Соловьев С.М. Парижский университет // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XXIII. М., 2000. С. 11-24.
16. Танков А.А. Соловьев как профессор // Колосья. 1885. №8. С. 245-272.
17. Хомяков А.С. Сочинения. Т.2. Работы по богословию. М., 1994.
18. Цимбаев Н.И. С.М. Соловьев и его научное наследие // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 353-380.
19. Шаханов А.Н. Становление ученого // Соловьев С.М. Первые научные труды. Письма. С. 137-216.
20. Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель // История и историки. М., 2002. С. 95-136.

BEGINNING OF FORMATION SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL SURVEYS S.M. SOLOVYOVA

In the article the author analyzes the early work of the Russian historian S. M. Solovyov «Paris University», in which he presented his scientific and pedagogical position. The author focuses on the study of Solovyov's views on the role of universities and University education in public life, on the nature and peculiarities of the teaching activity of the university professor.

Keywords: S.M. Soloviev, university, university education, lecture activity, scientific and pedagogical activity, religious and educational activity, the ideal of the professor, pedagogical skills/

References

1. Andreyev A. «Natsional'naya model'» universitetskogo obrazovaniya: voz-niknoveniye i razvitiye (Chast' 1) // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2005. №1. S. 156-169.
2. Barsukov N.P. Zhizn' i trudy M.P. Pogodina. T.7. SPb., 1893.
3. Volkova I.V. Pedagogicheskaya deyatel'nost' istorika S.M. Solov'yeva // Ekonomicheskaya i obshchestvennaya zhizn' Rossii novogo vremeni: Pervyye Druzhininskiye chteniya. M., 1992. S.

215-221.

4. Volkova I.V. Sergey Mikhaylovich Solov'yev. Ocherk zhizni i tvorchestva // Solov'yev S.M. Obshchedostupnyye chteniya o russkoy istorii. M., 1992. S. 23-186.

5. Dubrovskiy A.M., Kuchurin V.V. «Feosofiya» S.M. Solov'yeva // Teoretiche-skaya kul'turologiya i problemy istorii otechestvennoy kul'tury. Bryansk, 1992. S. 98–107.

6. Yerygin A.N. Vostok–Zapad–Rossiya (Stanovleniye tsivilizatsionnogo podkhoda v istoricheskikh issledovaniyakh). Rostov-na-Donu, 1993.

7. Iz pis'ma ordinarnogo professora Moskovskogo universiteta Pogodina k g. ministru narodnogo prosveshcheniya iz Germanii // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1836. №1. S. 218-225; №7. S. 203-207, 671-675.

8. Klyuchevskiy V.O. S.M. Solov'yev kak prepodavatel' // Izdaniya Istoricheskogo obshchestva pri imp. Moskovskom universitete: Referaty, chitannyye v 1895 godu. M., 1896. S. 185-194.

9. Kuchurin V.V. S.M. Solov'yev: khristianin i uchenyy. SPb., 2001.

10. Pogodin M.P. Pis'ma k S.M. Solov'yevu (21 dekabrya 1843 g., 21 avgusta 1844 g.) // NIOR RGB. F. 285. Kart. 1. D. 34.

11. Solov'yev S.M. Parizhskiy universitet: Pis'mo iz Pragi ot 23 iyunya 1843 g. // Moskvityanin. 1843. CH. 6. №12. S. 511-517.

12. Solov'yev S.M. Izbrannyye trudy. Zapiski. M., 1983.

13. Solov'yev S.M. Pis'ma iz Yevropy // Otechestvennaya kul'tura i istori-cheskaya nauka XVIII-XX vekov. Bryansk, 1996. S. 160-193.

14. Solov'yev S.M. Pis'ma na rodinu 1842-1844 gg. // Solov'yev S.M. Pervyye nauchnyye trudy. Pis'ma. M., 1996. S. 65-108.

15. Solov'yev S.M. Parizhskiy universitet // Solov'yev S.M. Sochineniya. Kn. XXIII. M., 2000. S. 11-24.

16. Tankov A.A. Solov'yev kak professor // Kolos'ya. 1885. №8. S. 245-272.

17. Khomyakov A.S. Sochineniya. T.2. Raboty po bogosloviyu. M., 1994.

18. Tsimbayev N.I. S.M. Solov'yev i yego nauchnoye naslediyе // Solov'yev S.M. Iz-brannyye trudy. Zapiski. M., 1983. S. 353-380.

19. Shakhanov A.N. Stanovleniye uchenogo // Solov'yev S.M. Pervyye nauchnyye trudy. Pis'ma. S. 137-216.

20. Shakhanov A.N. S.M. Solov'yev kak prepodavatel' // Istoriya i istoriki. M., 2002. S. 95-136.

Об авторе

Кучурин Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой управления Ленинградский областной институт развития образования, E-mail: vkpostal@gmail.com

Kuchurin Vladimir Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Management of the Leningrad Regional Institute of Education Development, E-mail: vkpostal@gmail.com